

Разве я похож на того, кто умеет петь на сцене? Разве что заклинания изгонять могу.

Се Цзинлань внезапно вспомнил белый свет, блеснувший на запястье Сяхоу Ляня перед тем, как они сели на корабль, и резко схватил его за правую руку, пытаясь задрать рукав. Сяхоу Лянь не ожидал подвоха и попался с поличным. Се Цзинлань всмотрелся повнимательнее и удивленно произнес:

— Что это за штуковина?

На его запястье красовался железный наруч, на котором был закреплен искусно сделанный миниатюрный арбалет. Се Цзинлань подозрительно посмотрел на него и спросил:

— Откуда у тебя такая вещь?

— Э-э... — Сяхоу Лянь мычал и блеял добрую половину дня, но так и не смог выдумать ничего вразумительного.

— Ты ведь и раньше упоминал в Книгохранилище свою матушку, а только что говорил, что исколесил вдоль и поперек весь мир. Неужели...

Сяхоу Лянь покрылся холодным потом, его руки и ноги оледенели. Он лихорадочно соображал, как бы выкрутиться: если Се Цзинлань узнает, что он наемный убийца, дело швах, ведь стоит кинжалу раскрыть свою личность, как ему тут же придется бежать.

Хотя он еще даже не получил табличку и настоящим убийцей пока не считался.

Се Цзинлань принял вид человека, которого озарило догадкой, и произнес:

— Твоя матушка — тоже воровка, и воровство — ваше семейное ремесло? Тогда это уже не воровство, а благородный разбой с большой дороги.

Сяхоу Лянь:

— ...Раз ты говоришь так, пусть будет так...

Се Цзинлань отпустил его рукав и наставительно произнес:

— Эту штуку тебе следует беречь пуще глаза, чтобы чужие не заметили. Я сызмала знал, что книгами и ученыстью можно передавать наследие из поколения в поколение, а боевыми искусствами — укреплять род, но никак не думал, что воровство тоже может стать семейным ремеслом. Шарить по чужим карманам и тащить все подряд — не дело для порядочного человека. К счастью, ты теперь завязал, так что впредь трудись честно и больше не занимайся подобными грязными делами.

Сяхоу Лянь с готовностью покладисто согласился, украдкой утирая со лба холодный пот.

Се Цзинлань смотрел на блеклую дымку в небе, где изредка пролетали птицы, вмиг исчезая из виду.

Если бы превратиться в эту небесную дымку и птиц, не ведающих ни боли, ни радости, можно ли было тогда не знать ни обид, ни ненависти?

Он тихо проговорил:

— Сяхоу Лянь, расскажи мне о своих отце и матери.

— А?

— Я-то думал: пусть моя матушка умерла, по крайней мере, у меня остался отец. Пусть он далеко в столице и не может позаботиться обо мне, но в сердце наверняка тоскует обо мне. А я и не предполагал, что он напрочь забыл о существовании такого сына. — Се Цзинлань горько усмехнулся. — Расскажи мне о своих родителях. Мне ужасно любопытно, каково это — иметь отца и мать.

— Ну... вообще-то у меня тоже нет отца. — Сяхоу Лянь поскреб в затылке. — Я с детства скитался с матушкой, раньше мы жили в горах. Моя мама была настоящим мастером своего дела в нашей среде: каждые три дня отправлялась куда-то на дело, а порой мы месяцами не виделись. Зато стоило ей выдаться свободной минутке, как она тащила меня в горы бить фазанов, ловить кроликов и разорять птичьи гнезда, это было так весело!

В горах жилось тяжело, особенно у нас — в глуши вечно голодали, и даже серебро не помогало. Бывало, дома в котле шаром покати, так матушка брала меня за руку, и мы шлепали за несколько ли в другую деревню, чтобы попрашайничать и выпросить еды. Иногда матушка обладала таким авторитетом, что нам удавалось поесть, а порой у соседей тоже не было ни зернышка, и они выгоняли нас метлами. Но матушка учила меня: не стоит бояться позора, главное — то, что попало тебе в рот, то твое.

Се Цзинлань даже не знал, какую мину сделать, долго подбирал слова и наконец медленно выдал:

— Твоя матушка поистине... из ряда вон выходящая личность.

Если посудить, пожалуй, без матери было бы даже лучше.

Сяхоу Лянь наивно полагал, что Се Цзинлань и впрямь ее нахваливает, и с смущенной улыбкой произнес:

— Пусть матушка моя порой бывала совершенно непутевой — зашивая одежду, могла проткнуть дыру еще больше, а готовя обед, умудрялась спалить дом дотла, — зато в нашем ремесле она была именем гремела на всю округу! — Сяхоу Лянь от волнения замахал руками и ногами и выпалил первую попавшуюся ложь, лишь бы расписать ее способности в масштабах

вселенной: — Под небесами нет такой вещи, которую моя матушка не смогла бы украсть. Даже ночная жемчужина с золотой короны самого Императора далась бы ей легче пареной репы.

Се Цзинлань поправил его:

— Император не носит золотую корону, он носит ушадмао, и никаких ночных жемчужин на ней нет.

— Да плевать, какая разница! — Сяхоу Лянь небрежно махнул рукой. — Что до отца... эх, я ведь тоже долго пытался выяснить, кем же он был. По моему разумению, мой отец должен быть великим мастером цзянху. В конце концов, с характером моей матушки она вряд ли могла влюбиться в какого-нибудь бледнолицего книжника! Рано или поздно он прискачет за мной и матушкой на коне, и тогда мы заживем вольной, беззаботной жизнью странников.

Порой неведение правды оставляет место для надежды. Взять хоть Се Цзинланя: он сам проводил в последний путь родную матушку, а родной отец стоял перед глазами во всей красе — у него никак не мог объявиться папаша-герой из цзянху или мамаша-суперворовка.

Хотя оба прекрасно понимали, что воображаемый отец-герой Сяхоу Ляня — не более чем пена на воде, которую стоит лишь проткнуть иголкой, как она тут же бесследно исчезнет.

— Ну а где твоя матушка сейчас? Почему она продала тебя торговцу людьми?

— Матушка взялась за одно дело и отправилась в Западный Край, а перед уходом поручила меня моему дяде. Дяде я был в тягость, вот он меня и продал. Сказал, что вернется матушка — и он выкупит меня обратно.

— ... — Что за семейка у него такая.

Се Цзинлань вдруг подумал, что Сяхоу Лянь дожил до своих лет целым и невредимым лишь благодаря чуду, накопленному в прошлых жизнях.

— Но дядя говорил, что наше ремесло связано с игрой со смертями, и никто из наших в горах не доживает до сорока. На этот раз в Западном Крае погибли двое старших товарищей, и я понятия не имею, вернется ли матушка живой.

— Настолько опасно? Раз так, зачем вообще браться за это дело?

Сяхоу Лянь не хотел вдаваться в подробности и отделался туманной отговоркой:

— Эх, в нашем деле люди связаны чужой волей, не всё от нас зависит. У нас есть главарь, и если ослушаешься — он нас прикончит.

Се Цзинлань ничего толком не понял, но, к счастью, он не привык допытываться до всего. Судя по виду Сяхоу Лянь, это были их внутренние тайны, о которых не стоило распространяться, поэтому ему оставалось лишь неловко утешить товарища:

— Ничего страшного, твоя матушка такая сильная, она обязательно вернется за тобой целой и невредимой.

Сяхоу Лянь вяло угукнул в ответ.

Дядя Дуань говорил, что Западный Край полон смертельных опасностей, но Сяхоу Лянь упрямо верил, что его мать непобедима. И вовсе не потому, что он слепо верил в ее силу, а потому, что ему не хотелось даже думать об обратном.

Некоторое время они молчали. Сяхоу Лянь немного захмелел, его щеки покраснелись. Он повернулся к Се Цзинланю: тот сидел с едва нахмуренными бровями, а лицо его выражало глубокую тоску.

Сяхоу Лянь подсел ближе, обнял Се Цзинланя за плечи и с ухмылкой произнес:

— Чего это ты, неужто барина своего заскучал? Расслабься, твой слуга станет навещать тебя каждые пару дней! Мы ведь с тобой братья!

Се Цзинлань отвернулся и фыркнул:

— Какой ты мне брат, ты мой мальчик для чтения, мой слуга!

Сказав это, он опустил глаза. Похожие на полумесяцы ресницы отбросили тень на его лицо, скрывая бушующие внутри эмоции. Он давным-давно усвоил: никто не может вечно находиться рядом. Ушла мать, уйдет Матушка Лань, уйдет Ляньсян, и Сяхоу Лянь, разумеется, не исключение. Вся разница лишь в том, случится это раньше или позже.

Раз уж расставание неизбежно, не стоит слишком привязываться к кому-либо.

Он незаметно высвободился из рук Сяхоу Лянь, понуро зашагал по каменной дорожке и, как ни звал его сзади Сяхоу Лянь, даже не обернулся.

Узнав радостную весть, Ляньсян и Матушка Лань пришли в неопишуемый восторг. Убедившись, что Сяхоу Лянь и вправду оказался полезен Се Цзинланю, Ляньсян перестала смотреть на него волком, приготовила к ужину рисовые лепешки и даже, впервые в жизни, лично принесла одну порцию Сяхоу Ляню.

Однако вскоре Сяхоу Лянь заметил: что бы он ни делал, этот самый Се Цзинлань вел себя так, словно в упор его не замечает, и вообще никак не реагировал. Даже когда Сяхоу Лянь случайно проливал чай рядом с сапогами Се Цзинланя, тот лишь холодно и бесстрастно приподнимал веки, бросал на него мимолетный взгляд, а затем молча отходил продолжать

чтение. Рот его был запечатан наглухо, и он упорно отказывался сказать слуге хоть лишнее слово.

По идее, с его замашками избалованной барышни, не терпевшей и пятнышка грязи, он уже давно должен был взвинтиться со ступа и устроить бурю.

Даже такие невозмутимые люди, как Матушка Лань и Ляньсян, заметили странности в поведении Се Цзинланя и начали шептаться за спиной, не разозлил ли кто юного господина, не наступил ли кто тигру на хвост. Обе по очереди перебрали собственные грехи и сочли себя невиновными, после чего приволокли на допрос Сяхоу Ляня, хотя бедняга сам сидел в полном недоумении.

Не успел Сяхоу Лянь разобраться в ситуации, как из покоев главной госпожи пожаловали люди. Они приволокли целую гору книг, кисти, тушь, бумагу и чернильные камни, а в придачу — целый гарнитур шкафов и письменный стол. Едва переступив порог двора, шествовавшая впереди кормилица громко заголосила:

— Ох ты ж боже мой, как же это Третий молодой господин ютится в такой нищете? У него даже нормального кабинета нет! Куда вы все смотрели, слуги этикие? Знали же, что крыша протекает, почему не доложили управляющему, чтобы прислали людей починить? Эй, живо все сюда, быстро наведите здесь порядок, да поживее обустройте кабинет!

Ляньсян злобно прошипела себе под нос:

— И какого это демона принесло сюда эту хорьку в курятник?

И впрямь творилось нечто странное: во Двор Осеннего Тунгового Дерева, куда раньше годами никто и носа не казал, вдруг заявила такая толпа народу. И все шумные, как на базаре, отчего у Се Цзинланя разболелась голова. Кормилица принялась распекал Матушку Лань за неуклюжесть, а Сяхоу Ляня — за вороватый вид, оставила прислуживать четырех или пяти служанок с поварятами и уперлась рогом, требуя всучить Се Цзинланю еще одного мальчика для чтения. Лишь проявив железную твердость и отказавшись наотрез, Се Цзинлань отстоял место Сяхоу Ляня, а нового паренька пристроил в кабинете выполнять мелкие поручения.

Вообще-то Сяхоу Ляню очень хотелось оказаться на месте того паренька: как же здорово целыми днями сидеть в кабинете и листать романы.

— Третий молодой господин, прошу прощения, что четыре драгоценности ученого мужа и всю утварь доставили только сейчас. Главная госпожа лично отправляла людей на рынок за покупками и нанимала ремесленников для изготовления шкафов и столов. Извольте взглянуть, всё выполнено из отборного палисандра, надеемся, молодой господин не в обиде, — с улыбкой произнесла кормилица, отвесив поклон.

Се Цзинлань с бесстрастным лицом кивнул, не говоря лишнего, и кивком указал на Сяхоу Ляня, велел тому отнести часть кистей, туши и бумаги во внутренние покои, строго-накрого запретив кому бы то ни было, кроме Сяхоу Ляня, входить в его спальню.

Лицо кормилицы слегка изменилось: она никак не ожидала, что этот сопляк в столь юном возрасте уже начнет устанавливать свои порядки.

Узнай кормилица о ее мыслях, Сяхоу Лянь наверняка животы надрвал бы от смеха — на деле Се Цзинлань просто брезговал посторонними. Стоит заметить, что единственным человеком, допущенным в его спальню, был Сяхоу Лянь, которого под страхом угроз и посулов заставляли мыться трижды в день, правда, мытье это заключалось в выливании на макушку трех ушатов холодной воды.

Вовсю шли ремонтные работы, и стук молотков не умолкал ни на минуту. Се Цзинлань пропускал этот шум мимо ушей и жадноглазно гладил заветную рисовую бумагу, от мягкости которой у него кружилась голова. Раньше он упражнялся в каллиграфии на грубой оберточной бумаге, и хотя в прошлый раз Сяхоу Лянь принес ему рисовую бумагу, тот не смел ей пользоваться, а теперь получил возможность открыто писать на чистейшей отборной бумаге сяньшэн.

Он придирчиво разглядел листы: точь-в-точь такие же, как в комнате Се Цзинтао.

Нетерпеливо растерши тушь, он опустил кисть, и кончик качнулся, оставляя на бумаге темное пятно. Выведя пару иероглифов, он счел результат сносно выглядящим. Подняв голову, он увидел, что Сяхоу Лянь от нечего делать листает его новую книгу, протянул ему кисть и потребовал, чтобы Сяхоу Лянь тоже написал пару строчек на пробу.

Сяхоу Лянь не стал отнекиваться и тут же вывел на бумаге свое имя. Се Цзинлань, взглянув на это, лишь подумал, что только испортил отличную бумагу: почерк оказался совершенно лишен изящества, кривые черты ползали во все стороны, словно муравьи после случайной побудки выстроили узор куда симпатичнее.

— Я сроду не занимался каллиграфией, марал бумагу наугад, так что и ты смотри без пристрастия, — Сяхоу Лянь бросил кисть, подпер голову рукой и уставился в окно на переполох во дворе. — Главная госпожа — та же копия твоего отца, сплошное ханжество. Гляди-ка, стоило тебе стать учеником господина Дая, как она тут же притащила столько добра.

Получив кисти и бумагу, Се Цзинлань заметно повеселел. Он уже собирался подхватить слова Сяхоу Ляня, но вовремя вспомнил, что дал зарок держать его на расстоянии, и с трудом заглотнул рвавшееся с языка. Сжав кисть покрепче, он со всем усердием принялся выводить иероглифы.

Сяхоу Лянь ломал голову в полном недоумении, никак не взяв в толк, чем же он умудрился насолить этому парню. Понаблюдав за Се Цзинланем добрую половину дня, он вдруг уловил в поведении Се Цзинланя легкий холодок отчуждения.

Мало того, что тот перестал с ним разговаривать, он еще и старался избегать встреч глазами. Раньше они жили под одной крышей, то и дело сталкиваясь лбами, а за последние дни Се Цзинлань ни разу не посмотрел на него прямо. И если бы не сегодняшний визит людей

главной госпожи с письменными принадлежностями, и если бы Се Цзинлань не брезговал посторонними, ему бы и вовсе не светило зайти во внутренние комнаты.

Но с чего вдруг этому пареньку понадобилось от него отдаляться?

В дверь внезапно постучали. Сяхоу Лянь распахнул створки, и стоявшая на пороге та самая кормилица Лю обратилась к Се Цзинланю:

— Молодой господин, госпожа велела передать: раз ваше здоровье в последнее время значительно улучшилось, негоже пренебрегать утренними и вечерними приветствиями. Последние годы, щадя вашу хворость, с вас не спрашивали должного соблюдения правил, но теперь вы ученик господина Дая, а значит, обязаны знать нормы этикета и приличия. После вечерней трапезы госпожа ждет вас в главном дворе на уроки этикета, смотрите не опростоволоситесь там и не станьте посмешищем для людей.

Се Цзинлань холодно кивнул:

— Я понял.

Они вновь погрузились в неловкое молчание. Се Цзинлань не обращал на это внимания, углубившись в чтение книги.

Сидеть в кабинете до смерти надоело. Этот деревянный чурбан Се Цзинлань только и знал, что зубрить книги да выводить иероглифы, слова из него не вытянешь клещами — уперся как баран, храня обет молчания. Сяхоу Лянь от скуки тайком ускользнул к себе в комнату и завалился спать, за чем его тут же застучала новоявленная кормилица Лю.

Кормилица с самого начала невзлюбила Сяхоу Ляня и за один-единственный полдень успела вылить на Се Цзинланя целое море ядовитых жалоб. У Се Цзинланя от этого ныли виски, и в конце концов он велел Сяхоу Ляню спать прямо в кабинете.

Все равно дверь закрыта, и посторонним невдомек, таскает ли Сяхоу Лянь воду с чаем или храпит всюю.

Правда, наблюдая, как тот дрыхнет в самой бесцеремонной позе, Се Цзинлань невольно задавался вопросом: кто здесь вообще хозяин, а кто слуга? Впрочем, проглотив молчаливое раздражение, он покорно подливал себе чай, сам растирал тушь и попутно заботливо натягивал на соскользнувшего Сяхоу Ляня одеяло.

<http://bllate.org/book/26257/3145232>